

Варлам Шаламов

Очерки преступного мира (сборник рассказов)

ФТМ

Варлам Шаламов

**Очерки преступного
мира (сборник)**

«ФТМ»

1959

Шаламов В. Т.

Очерки преступного мира (сборник) / В. Т. Шаламов — «ФТМ»,
1959

ISBN 978-5-4467-1069-0

В авторский сборник «Очерки преступного мира» вошли рассказы о реальной колымской жизни: о людях, характерах, правилах и законах. Варлам Шаламов представил целую галерею характеров «героев» преступного мира.

ISBN 978-5-4467-1069-0

© Шаламов В. Т., 1959
© ФТМ, 1959

Содержание

Об одной ошибке художественной литературы	5
Жульническая кровь	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Варлам Шаламов

Очерки преступного мира (сборник)

Об одной ошибке художественной литературы

Художественная литература всегда изображала мир преступников сочувственно, подчас с подобострастием. Художественная литература окружила мир воров романтическим ореолом, соблазнившись дешевой мишуровой. Художники не сумели разглядеть подлинного отвратительного лица этого мира. Это – педагогический грех, ошибка, за которую так дорого платит наша юность. Мальчику 14–15 лет простительно увлечься «героическими» фигурами этого мира; художнику это непростительно. Но даже среди больших писателей мы не найдем таких, кто, разглядев подлинное лицо вора, отвернулся бы от него или заклеймил его так, как должен был заклеймить все нравственно негодное всякий большой художник. По прихоти истории наиболее экспансивные проповедники совести и чести, вроде, например, Виктора Гюго, отдали немало сил для восхваления уголовного мира. Гюго казалось, что преступный мир – это такая часть общества, которая твердо, решительно и явно протестует против фальши господствующего мира. Но Гюго не дал себе труда посмотреть – с каких же позиций борется с любой государственной властью это воровское сообщество. Немало мальчиков искало знакомства с живыми «мизераблями» после чтения романов Гюго. Кличка «Жан Вальжан» до сих пор существует среди блатарей.

Достоевский в своих «Записках из Мертвого дома» уклоняется от прямого и резкого ответа на этот вопрос. Все эти Петровы, Лучки, Сушиловы, Газины – все это, с точки зрения подлинного преступного мира, – «настоящих блатарей» – «асмодеи», «фраера», «черти», «мужики», то есть такие люди, которые презираются, грабятся, топчутся настоящим «преступным миром». С точки зрения блатных – убийцы и воры Петров и Сушилов гораздо ближе к автору «Записок из Мертвого дома», чем к ним самим. «Воры» Достоевского такой же объект нападения и грабежа, как и Александр Петрович Горянчиков и равные ему, какая бы пропасть ни разделяла дворян-преступников от простого народа. Трудно сказать, почему Достоевский не пошел на правдивое изображение воров. Вор ведь – это не тот человек, который украл. Можно украсть и даже систематически воровать, но не быть блатным, то есть не принадлежать к этому подземному гнусному ордену. По-видимому, в каторге Достоевского не было этого «разряда». «Разряд» этот не карается обычно такими большими сроками наказания, ибо большую массу его не составляют убийцы. Вернее, во времена Достоевского не составляли. Блатных, ходивших «по мокрому», тех, у кого рука «дерзкая», было не так много в преступном мире. «Домушники», «скокари», «фармазоны», «карманники» – вот основные категории общества «урок» или «уркаганов», как называет себя преступный мир. Слово «преступный мир» – это термин, выражение определенного значения. Жулик, урка, уркаган, человек, блатарь – это все синонимы. Достоевский на своей каторге их не встречал, а если бы встретил, мы лишились бы, может быть, лучших страниц этой книги – утверждения веры в человека, утверждения доброго начала, заложенного в людской природе. Но с блатными Достоевский не встречался. Каторжные герои «Записок из Мертвого дома» такие же случайные в преступлении люди, как и сам Александр Петрович Горянчиков. Разве, например, воровство друг у друга – на котором несколько раз останавливается, особо его подчеркивая, Достоевский, – разве это возможная вещь в блатном мире? Там – грабеж фраеров, дележ добычи, карточная игра и последующее скитание вещей по разным хозяевам-блатарям в зависимости от победы в «стос» или «буру». В «Мертвом доме» Газин продает спирт, делают это и другие «целовальники». Но спирт блатные отняли бы у Газина мгновенно, карьера его не успела бы развернуться.

По старому «закону», блатарь не должен работать в местах заключения, за него должны работать фраера. Мясниковы и Варламовы получили бы в блатном мире презрительную кличку «волжский грузчик». Все эти «мослы» (солдаты), «баклушины», «акулькины мужья», все это вовсе не мир профессиональных преступников, не мир блатных. Это просто люди, столкнувшиеся с негативной силой закона, столкнувшись случайно, в потемках переступившие какую-то грань, вроде Акима Акимовича – типичного «фраерюги». Блатной же мир – это мир особого закона, ведущий вечную войну с тем миром, представителями которого являются и Аким Акимович, и Петров, вкупе с восьмиглазым плац-майором. Плац-майор блатарям даже ближе. Он богом данное начальство, с ним отношения просты, как с представителем власти, и такому плац-майору любой блатной немало наговорит о справедливости, о чести и о прочих высоких материях. И наговаривает уже не первое столетие. Угреватый, наивный плац-майор – это их открытый враг, а Акимы Акимовичи и Петровы – их жертвы.

Ни в одном из романов Достоевского нет изображений блатных. Достоевский их не знал, а если видел и знал, то отвернулся от них как художник.

У Толстого нет никаких впечатляющих портретов этого сорта людей, даже в «Воскресении», где внешние и иллюстрирующие штрихи наложены так, что художнику за них отвечать не приходится.

Сталкивался с этим миром Чехов. Что-то было в его сахалинской поездке такое, что изменило почерк писателя. В нескольких послесахалинских письмах Чехов прямо указывает, что после этой поездки все написанное им раньше кажется пустяками, недостойными русского писателя. Как и в «Записках из Мертвого дома», на острове Сахалин оглупляющая и растлевающая мерзость мест заключения губит и не может не губить чистое, хорошее, человеческое. Блатной мир ужасает писателя. Чехов угадывает в нем главный аккумулятор этой мерзости, некий атомный реактор, сам восстанавливющий топливо для себя. Но Чехов мог только всплеснуть руками, грустно улыбнуться, указать мягким, но настойчивым жестом на этот мир. Он тоже знал его по Гюго. На Сахалине Чехов был слишком мало, и для своих художественных произведений до самой смерти он не имел смелости взять этот материал.

Казалось бы, биографическая сторона творчества Горького должна бы дать ему повод для правдивого, критического показа блатных. Челкаш – несомненный блатарь. Но этот воррецидивист изображен в рассказе с той же принудительной и лживой верностью, как и герои «Отверженных». Гаврилу, конечно, можно толковать не только как символ крестьянской души. Он ученик уркагана Челкаша. Пусть случайный, но обязательный. Ученик, который, быть может, завтра будет «порченым штымпом», поднимется на одну ступень лестницы, ведущей в преступный мир. Ибо, как говорил один блатной философ, «никто не рождается блатным, блатными делаются». В Челкаше Горький, сталкивавшийся с блатным миром в юности, лишь отдал дань тому малограмматному восхищению перед кажущейся свободой суждения и смелостью поведения этой социальной группы.

Васька Пепел («На дне») – весьма сомнительный блатной. Так же, как и Челкаш, он романтизирован, возвеличен, а не развенчен. Несколько внешних, верных черт этой фигуры, явная симпатия автора приводят к тому, что и Пепел служит недоброму делу.

Таковы попытки изображения Горьким преступного мира. Он также не знал этого мира, не сталкивался, по-видимому, с блатными по-настоящему, ибо это, вообще говоря, затруднительно для писателя. Блатной мир – это закрытый, хотя и не очень законспирированный орден, и посторонних для обучения и наблюдения туда не пускают. Ни с Горьким-бродягой, ни с Горьким-писателем никакой блатной по душам не разговорится, ибо Горький для него прежде всего – фраер.

В двадцатые годы литературу нашу охватила мода на налетчиков. «Беня Крик» Бабеля,leonovskiy «Вор», «Мотькэ Малхамовес» Сельвинского, «Васька Свист в переплете» В. Инбер, каверинский «Конец хазы», наконец, фармазон Остап Бендер Ильфа и Петрова –

кажется, все писатели отдали легкомысленную дань внезапному спросу на уголовную романтику. Безудержная поэтизация уголовщины выдавала себя за «свежую струю» в литературе и соблазнила много опытных литературных перьев. Несмотря на чрезвычайно слабое понимание существа дела, обнаруженнное всеми упомянутыми, а также и всеми не упомянутыми авторами произведений на подобную тему, они имели успех у читателя, а следовательно, приносили значительный вред.

Дальше пошло еще хуже. Наступила длительная полоса увлечения пресловутой «перековкой», той самой перековкой, над которой блатные смеялись и не устают смеяться по сей день. Открывались Большевские и Люберецкие коммуны, 120 писателей написали «коллективную» книгу о Беломорско-Балтийском канале, книга издана в макете, чрезвычайно похожем на иллюстрированное Евангелие. Литературным венцом этого периода явились погодинские «Аристократы», где драматург в тысячный раз повторил старую ошибку, не дав себе труда сколько-нибудь серьезно подумать над теми живыми людьми, которые сами в жизни разыграли несложный спектакль перед глазами наивного писателя.

Много выпущено книг, кинофильмов, поставлено пьес на темы перевоспитания людей уголовного мира. Увы!

Преступный мир с гуттенберговских времен и по сей день остается книгой за семью печатями для литераторов и для читателей. Бравшиеся за эту тему писатели разрешали эту серьезнейшую тему легкомысленно, увлекаясь и обманываясь фосфорическим блеском уголовщины, наряжая ее в романтическую маску и тем самым укрепляя у читателя вовсе ложное представление об этом коварном, отвратительном мире, не имеющем в себе ничего человеческого.

Возня с различными «перековками» создала передышку для многих тысяч воров-профессионалов, спасла блатарей.

Что же такое «преступный мир»?

1959

Жульническая кровь

Как человек перестает быть человеком?

Как делаются блатарями?

В преступный мир приходят и со стороны: колхозник, отбывший за мелкую кражу наказание в тюрьме и связавший отныне свою судьбу с уголовниками; бывшие стиляги, уголовные деяния которых приблизили их к тому, о чем они знали лишь понаслышке; заводской слесарь, которому не хватает денег на удалые гулянки с товарищами; люди, которые не имеют профессии, а хотят жить в свое удовольствие, а также люди, которые стыдятся просить работу или милостыню – на улице или в государственном учреждении – это все равно, и предпочитают отнимать, а не просить. Это дело характера, а зачастую примера. Просить работу – это тоже очень мучительно для больного, уязвленного самолюбия оступившегося человека. Особенно подростка. Просить работу – унижение не меньшее, чем просить милостыню. Не лучше ли...

Дикий, застенчивый характер человека подсказывает ему решение, всю серьезность и опасность которого подросток просто не в силах, не может еще оценить. У каждого человека в разное время его жизни бывает необходимость решить что-то важное, «переломить» судьбу, и большинству это важное приходится делать в молодые годы, когда опыт мал, а вероятность ошибок велика. Но в это время также мала и рутина поступков, а велика смелость, решительность.

Поставленный перед трудным выбором, обманутый художественной литературой и тысячей обывательских легенд о таинственном преступном мире, подросток делает страшный шаг, после которого подчас нет возврата.

Потом он привыкает, озлобляется окончательно сам и сам начинает вербовать молодежь в ряды этого проклятого ордена.

В практике этого ордена есть одна важная тонкость, вовсе не замечаемая даже специальной литературой.

Дело в том, что этим подземным миром правят потомственные воры – те, у которых старшие родственники – отцы, деды или хотя бы дяди, старшие братья были уркаганами; те, которые выросли с раннего детства в блатных традициях, в блатном ожесточении ко всему миру; те, которые не могут променять своего положения на другое по понятным причинам; те, чья «жульническая кровь» не вызывает сомнения в своей чистоте.

Потомственные воры и составляют правящее ядро уголовного мира, именно им принадлежит решающий голос во всех суждениях «правилок», этих «судов чести» блатарей, составляющих необходимое, крайне важное условие этой подземной жизни.

Во время так называемого раскулачивания блатной мир расширился сильно. Его ряды умножились – за счет сыновей тех людей, которые были объявлены «кулаками». Расправа с «раскулаченными» умножила ряды блатного мира. Однако никогда и нигде никто из бывших «раскулаченных» не играл видной роли в преступном мире.

Они грабили лучше всех, участвовали в кутежах и гулянках громче всех, пели блатные песни криклиней всех, ругались матерно, превосходя всех блатарей в этой тонкой и важной науке сквернословия, в точности имитировали блатарей и все же были только имитаторами, только подражателями.

В сердцевину блатного мира эти люди допущены не были. Редкие одиночки, особенно отличившиеся – не своими «героическими подвигами» во время ограблений, но усвоением правил блатного поведения, участвовали иногда в «правилках» высших воровских кругов. Увы – они не знали, что сказать на этих правилах. При малейшем столкновении, а каждый блатарь – весьма истеричная особа, – чужакам напоминали их «чуждое» происхождение.

– Ты – порчак! А открываешь хавало! Какой ты вор? Ты волжский грузчик, а не вор! Ты – олень самый настоящий!

«Порчак», то есть «порченый фраер» – фраер, который уже перестал быть фраером, но еще не стал блатарем («Это еще не птица, но уже не четвероногое» – как говорил Жак Паганель у Жюля Верна). И «порчак» терпеливо сносит оскорблений. «Порчаки» не бывают, конечно, хранителями традиций воровского мира.

Для того чтобы быть «хорошим», настоящим вором, нужно вором родиться; только тем, кто с самых юных лет связан с ворами, и притом с «хорошими, известными ворами», кто прошел полностью многолетнюю научу тюрьмы, кражи и блатного воспитания, достается решать важные вопросы блатной жизни.

Каким ты видным грабителем ни будь, какая тебя ни сопровождает удача, ты всегда останешься чужаком-одиночкой, человеком второго сорта среди потомственных воров. Мало воровать, надо принадлежать к этому ордену, а это дается не только кражей, не только убийством. Вовсе не всякий «тяжеловес», вовсе не всякий убийца – только потому, что он – грабитель и убийца – занимает почетное место среди блатарей. Там есть свои блюстители чистоты нравов, и особо важные воровские секреты, касающиеся выработки общих законов этого мира (которые, как и жизнь, меняются), выработки языка воров, «блатной фени», – дело только блатарской верхушки, состоящей из потомственных воров, хотя бы там были только карманники.

И даже к мнению мальчика-подростка (сына, брата какого-нибудь видного вора) блатной мир будет прислушиваться больше, чем к суждениям «порчаков» – пусть они будут хоть Ильями Муромцами в грабительском деле.

И «марьян» – женщин блатного мира – будут делить в зависимости от знатности хозяина... Их получат сначала обладатели «голубой крови», а в последнюю очередь – «порчаки».

Блатари немало заботятся о подготовке своей смены, о выращивании «достойных» продолжателей их дела.

Страшный мишурный плащ уголовной романтики ярким маскарадным блеском привлекает юношу, мальчика, чтобы его отравить своим ядом навсегда.

Этот фальшивый блеск стекляруса, выдающего себя за алмаз, повторен тысячей зеркал художественной литературы.

Можно сказать, что художественная литература вместо того, чтобы заклеймить уголовщину, сделала обратное: подготовила почву для расцвета ядовитых ростков в неопытной, неискусленной душе молодежи.

Юноша не в силах сразу разобраться, разглядеть истинное лицо уркаганов, – а потом бывает уже поздно, он оказывает содействие ворам, сблизившийся с ними любой, даже самой малой, близостью – уже заклеймен и обществом, а со своими новыми товарищами связан на жизнь и смерть.

Существенно и то, что в нем самом уже копится личная озлобленность, появляются личные счеты с государством и его представителями. Ему кажется, что его страсти, его личные интересы приходят в неразрешимый конфликт с обществом, с государством. Ему кажется, что он платит слишком дорого за свои «проступки», которые государство называет не проступками, а преступлениями.

Его манит и извечная тяга юности к «плащу и шпаге», к таинственной игре, а здесь «игра» не шуточная, а живая кровавая игра, по своей психологической напряженности не идущая ни в какое сравнение с постными «Учениками Иисуса» или «Тимуром и его командой». Творить зло гораздо увлекательней, чем творить добро. С застучавшим сердцем входя в это воровское подполье, мальчик рядом с собой видит тех людей, которых боятся его папа и мама. Он видит их кажущуюся независимость, ложную свободу. Хвастливое их вранье мальчик принимает за чистую монету. В блатарях он видит людей, которые бросают вызов обществу. Вместо нелегкого добывания трудовой копейки юноша видит «щедрость» вора, «шикарно» разбрасываю-

щего ассигнации после удачного грабежа. Он видит, как пьет и гуляет вор, и эти картины разгула далеко не всегда отпугивают юношу. Он сравнивает скучную, повседневную, скромную работу отца и матери с «трудом» воровского мира, где надо быть, кажется, только смелым... Мальчик не думает о том, сколько чужого труда и чужой человеческой крови награбил и тратит, не считая, этот его герой. Там есть всегда водка, «план», кокаин, и мальчику дают выпить, и восторг подражания охватывает его.

Среди своих сверстников, бывших товарищей, он замечает некоторое отчуждение, смешанное с боязнью, и по наивности своей детской принимает это отношение за уважение к себе.

А главное – он видит, что все боятся воров, боятся, что любой может зарезать, выколоть глаза...

В «шалман» является какой-нибудь Иван Корзубый из тюрьмы и тысячи рассказов приносит с собой – кого он видел, кто за что и на сколько осужден – все это опасно и пленительно.

Юноша видит, что люди живут, обходясь без того, что бывает постоянной заботой в семье.

Вот юноша пьян по-настоящему, вот он уже бьет проститутку – бабу он должен уметь бить! – это одна из традиций новой жизни.

Юноша мечтает об окончательной шлифовке, окончательном приобщении к ордену. Это – тюрьма, которой он приучен не бояться.

Старшие его берут «на дело» – на первых порах стоять где-нибудь «на вассере» (на страже). Вот уже и взрослые воры ему доверяют, а вот он ворует и сам, и сам «распоряжается».

Он быстро усваивает манеры, непередаваемой наглости усмешку, походку, выпускает брюки на сапоги особым напуском, надевает крест на шею, покупает шапку-кубанку на зиму, «капитанку» – летом.

В первую же свою тюремную отсидку он татуируется новыми друзьями – мастерами этого дела. Опознавательный знак его принадлежности к ордену блатарей, как кайново клеймо, навечно нанесен синей тушью на его тело. Много раз после будет он жалеть о наколках, много крови испортят они блатарю. Но все это будет после, много после.

Он давно уже овладел «блатной феней», воровским языком. Он бойко услуживает старшим. В поведении своем мальчик боится скорее недосолить, чем пересолить.

И дверь за дверью открывает блатной мир перед ним свои последние глубины.

Вот он уже принимает участие в кровавых «правилках», «судах чести», и его, как и всех остальных, заставляют «расписаться» на трупе удавленного по приговору блатного суда. Кто-то сует ему в руки нож, и он тычет ножом в еще теплый труп, доказывая свою полную солидарность с действиями своих учителей.

Вот он и сам убивает по приговору старших указанного ему «предателя», «суку».

Среди блатных вряд ли есть хоть один человек, который не был бы когда-либо убийцей.

Такова схема воспитания молодого блатаря из юноши чужого мира.

Проще воспитываются представители «голубой крови», потомственные блатари или те, что никакой жизни, кроме воровской, не знали и не собирались ее знать.

Не нужно думать, что эти люди, из которых и выходят идеологи и вожди блатного мира, эти принцы жульнической крови, воспитываются каким-то особенным, тепличным способом. Отнюдь нет. Их никто не берегает от опасностей. Просто на их пути к вершинам или, вернее, к наиболее глубоким ямам блатного дна стоит меньше препятствий. Их путь проще, скорее, безоговорочней. Им раньше верят, раньше дают воровские поручения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.